

Отзыв

официального оппонента о диссертации Алексева Александра Владимировича на тему «Цифровая протестная коммуникация (на примере социально-политических движений)», Ростов-на-Дону 2025, представленной к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертационное исследование А.В. Алексева выполнено на стыке коммуникативистики, теории дискурса и политической лингвистики. Его высокая **актуальность** обусловлена следующими факторами:

- 1) определяющей ролью цифровой коммуникации в процессах формирования протестных движений и управления ими;
- 2) социальной потребностью в рефлексии манипулятивных механизмов массового воздействия;
- 3) необходимостью разработки категориальных и методологических принципов лингвистического анализа сложных коммуникативных систем.

Теоретическая значимость исследования А.В. Алексева связана с развитием следующих направлений лингвистики:

- теории коммуникации применительно к методологии моделирования комплексных коммуникативных феноменов с гипертекстовой составляющей;
- теории речевых актов и теории речевого воздействия применительно к специфике протестной директивности;
- лексикологии применительно к позиции цифровых лексических единиц в общей лексической системе языка.

Несомненна **практическая ценность** работы, обусловленная перспективами ее применения в следующих областях:

- а) в образовательном процессе при реализации программ бакалавриата и магистратуры по направлениям подготовки 45.03.02 и 45.04.02 Лингвистика, 45.03.03 и 45.04.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика, 41.03.04 и 41.04.04 Политология, 41.03.06 и 41.04.06 Публичная политика и социальные науки;

б) в лексикографии при составлении словарей и словарных баз данных цифровых лексических единиц;

в) в профессиональной деятельности специалистов по массовой коммуникации и сотрудников правоохранительных органов.

Достоверность результатов, полученных А.В. Алексеевым, определяется следующим:

1) широтой методологической базы исследования (работы по лингвистике текста, теории дискурса, политической лингвистике, лингвопрагматике, социолингвистике, теории семантического поля, корпусной лингвистике, компьютерной лингвистике, ареальной лингвистике, теории семантического дифференциала);

2) адекватностью используемого в работе категориального аппарата теме исследования и изучаемому материалу;

3) качественной и количественной валидностью рассматриваемого материала (около восьми тысяч англоязычных текстов, созданных в рамках двадцати одного протестного движения из разных стран в течение тринадцати лет);

4) использованием совокупности методов, соответствующих изучаемому материалу и цели исследования (методы лингвистического и экстралингвистического анализа, структурный и функциональный методы, квантитативные методики, контент-анализ и корпусный анализ).

Личный вклад автора определяется самостоятельностью исследовательских процедур, оригинальностью и обоснованностью выводов.

Структура диссертации адекватна задачам исследования. Работа состоит из четырех глав. В первой главе строится методологический и категориальный аппарат исследования цифровой протестной коммуникации. Во второй главе определяется коммуникативный потенциал цифровых лексических единиц в социально-политических протестных движениях. Третья глава посвящена формированию и обоснованию авторской методики анализа цифрового аспекта протестной коммуникации. В четвертой главе осуществлено комплексное моделирование коммуникативной системы социально-политического протеста.

Считаю необходимым отметить следующие характеристики и результаты исследования А.В. Алексеева, которые определяют его научную новизну и могут быть квалифицированы как теоретические научные достижения и способы решения научных проблем, имеющих важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, т.е. соответствие критериям квалификационной работы для получения ученой степени доктора наук:

1. Докторский уровень исследования определяется прежде всего вкладом в развитие методологии области знания. Рецензируемая работа с этой точки зрения является образцовой. Предложенная лингвистическая методология исследования цифровой протестной коммуникации четко выстроена, обоснована и апробирована. Ее разработка сопровождается введением в научный оборот необходимых терминов: «цифровая лексическая единица», «инфолингвополе» и «инфолингволиния». Сам по себе принцип, положенный в основу исследовательского алгоритма, отвечает специфике коммуникации цифровой эпохи: ключевая лексема рассматривается как квинтэссенция дискурса, а дискурс – как системное развертывание семантики данной лексемы.

2. Значимым достижением автора является описание механизмов целенаправленного порождения лексических единиц с эксплицитным или имплицитным директивным потенциалом, являющихся компрессивными лозунгами. Особенно ценно, на мой взгляд, то, что диссертант прослеживает функциональную эволюцию данных единиц и доказывает факт превращения их в ассертивы на стадии спада протестной активности.

3. Вызывает безусловное одобрение использование для речевой характеристики лексических единиц новой категории – гипертекстуальности. Автор четко отвечает на давно назревший в языкознании вопрос о природе хэштегов, позиционируя их как пограничные единицы, сочетающие лексическую и текстовую составляющие.

4. Мне весьма импонирует тот факт, что диссертант счел необходимым объективно доказать недостаточность применения машинных алгоритмов для выявления коннотированности речевых

единиц, обосновав целесообразность применения в этих целях традиционного контекстуального анализа в сочетании с корпусными методиками. Таким образом исследователь внес свой вклад в противодействие тенденции к механизации и профанизации лингвистического исследования. Пока еще машинная обработка текста не достигла той стадии, когда она способна вытеснить живого исследователя-интерпретатора.

5. Украшением работы является описание инфлюэнсера как особого типа языковой личности (а по сути еще и особого типа коммуникативного конструкта), с помощью которого осуществляется манипуляция сознанием масс и канализация их энергии в направлениях, нужных заказчикам протестной активности. Автором справедливо определена двойственность коммуникативной роли лидера мнений: символическая (авторитет) и управленческая (контроль).

6. А.В. Алексеевым получен ряд конкретных результатов, значимых с точки зрения повышения эффективности механизмов диагностики деструктивных информационных потоков, противодействия «цветным революциям» и иным типам угроз национальной безопасности, продуцируемым противником в ходе гибридной войны. В качестве примера назову лишь предложенную методику определения местонахождения формирующейся протестной акции.

Вопросы и замечания, возникшие у меня при чтении работы, немногочисленны, носят непринципиальный характер и сводятся к следующему:

1. В первой главе диссертационного исследования (С. 51-60) рассматривается историческая преемственность директивной природы протестного высказывания. Однако, с точки зрения лингвобезопасности, ключевым является вопрос о качественном преобразовании этого речевого акта в цифровой среде. Можно ли утверждать, что современная оппозиционная цифровая лексема эволюционировала в новый речевой жанр киберпротеста, лингвистическая специфика которого обусловлена именно цифровой средой и представляет потенциальный вызов лингвобезопасности? Если да, то какие именно новые лингвистические и семиотические

характеристики (например, гиперлаконичность, поликодовость, платформенная специфика) позволяют нам говорить о его уникальности и повышенной прагматической эффективности? И главное, насколько данный жанр уязвим для инструментализации деструктивными силами с целью манипуляции массовым сознанием и дестабилизации социально-политической ситуации? Требуется ли он разработки специальных методов лингвистического мониторинга и противодействия?

2. В исследовании справедливо отмечается роль лидеров мнений в трансляции протестных нарративов на социальных платформах. Однако, на мой взгляд, требует уточнения сам механизм такого лингвистического воздействия. Можно ли говорить о намеренном использовании лидерами мнений системы коммуникативных стратегий, основанных на лингвориторическом программировании, где учитываются количественные параметры (например, частотность использования ключевых цифровых лексических единиц для алгоритмического продвижения), качественные характеристики целевых групп (языковые маркеры возрастной, гендерной, социальной идентичности) или структурные ограничения платформ (адаптация под рейтинговые алгоритмы, форматы вирального контента) для целенаправленного управления коллективными поведенческими реакциями? Насколько данные стратегии могут быть формализованы в качестве модели угроз лингвобезопасности, требующей разработки соответствующих контрстратегий?

3. Методологические достоинства работы сыграли с автором злую шутку в процессе формулировки паспортной части работы. Зачастую (особенно в положениях, выносимых на защиту) он сбивается с констатации свойств исследуемого феномена на жанр саморецензирования. В качестве предмета исследования также не следовало позиционировать параметризацию, т.е. исследовательскую процедуру.

Автореферат диссертации и 47 публикаций автора адекватно отражают специфику исследования. Работа прошла достаточную апробацию на ряде научных конференций.

Диссертационная работа А.В. Алексеева является самостоятельной и завершённой научно-квалификационной работой, которая полностью соответствует требованиям п.п. 2.1. и 2.2. Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук, а её автор, **Алексеев Александр Владимирович**, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (10.02.19 – Теория языка), профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

 Геннадий Геннадьевич Слышкин

01.10.2025

119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1
<https://www.ranepa.ru>
Тел.: +7 (495) 434-83-89
slyshkin@ranepa.ru

Подпись удостоверяю

и.о. директора ИПНБ Е.В. Матвеева